

http://www.vokrugsveta.ru/publishing/vs/archives/?item_id=2865

Империи: от расцвета до заката. Егор Гайдар

№9 (2792) | Сентябрь 2006
Рубрика «Избранное»

В этом году в московском издательстве «Российская политическая энциклопедия» вышла новая книга доктора экономических наук директора Института экономики переходного периода Егора Гайдара «Гибель империи, уроки для современной России». Отрывки из нее мы предлагаем нашим читателям.

Нет у нас сил на Империю! — и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель.

Солженицын А. Как нам обустроить Россию

Постимперская ностальгия, которой ныне пронизано российское сознание, не у нас впервые замечена. Такое уже случалось в истории, и не раз. Советский Союз — не первая распавшаяся в XX веке империя, а последняя. Из числа государственных образований, которые в начале XX века называли себя империями, к концу столетия не осталось ни одного. Наша страна по ряду ключевых характеристик была не похожа на традиционные колониальные империи с заморскими территориями. Спор о том, была ли она империей, продлится долго. Однако элита царского периода рассматривала свою страну как империю. Так ее и называла. Руководители Советской империи так не говорили, но расширили ее далеко за официальные пределы государства под названием СССР. Сегодняшние сторонники восстановления империи обращаются к наследию, идущему от царской России через период советской истории к сегодняшнему времени. Президент России В. Путин в Послании Федеральному собранию (2005 год) назвал крушение Советского Союза крупнейшей геополитической катастрофой века. Эпоха империй ушла в прошлое, но их изучение сейчас в моде. Но то, что до тебя той же болезнью страдали многие, — слабое утешение. Это было с другими и давно. То, что происходит с нами, — реалии сегодняшнего дня. Как показала история, особенно опыт второй половины XX века, империи распадаются. Отождествление государственного величия и имперскости делает адаптацию к утрате статуса великой державы непростой задачей для национального сознания бывшей метрополии. Эксплуатация постимперского синдрома — эффективный способ получить политическую поддержку. Концепция империи как государства мощного, доминирующего над другими народами, — продукт, продать который так же легко, как кока-колу или памперсы. Чтобы рекламировать его, интеллектуальные усилия не требуются. Проблема страны, столкнувшейся с постимперским синдромом, в том, что разжечь чувство ностальгии по утраченной империи легко. Призывы к ее восстановлению на практике нереализуемы. Сказать: «Восстановление империи — благо для народа» — не трудно. Этот лозунг обречен на популярность. Но реальность в том, что возродить империю невозможно. Уникальный случай — восстановление в иных, коммунистических, почти неузнаваемых формах Российской империи в 1917—1921 годах. Это исключение, здесь все дело — именно в иных формах, которые-то и слово «восстановление» строгого исследователя заставят взять в кавычки. СССР возник в результате братоубийственной Гражданской войны, невиданного в истории террора и гибели миллионов людей. Само формирование империй — продукт фундаментальных изменений в жизни общества. Они возникают и рушатся под влиянием исторических обстоятельств. Мечты вернуться в иную эпоху иллюзорны. Попытки сделать это приводят к поражениям. Опыт российских неудач в 2003—2004 годах в Грузии, Абхазии, Абхазии, на Украине, в Молдове — продолжение «коллекции ошибок», которые задолго до них делали другие. Но постимперскому сознанию принять этот факт трудно.

Легче поверить в то, что нас победили не грузины или украинцы, а стоящий за ними «мировой заговор». Если принимать решения в рамках этой парадигмы, можно, обидевшись на всех, продолжать делать одну ошибку за другой.

Ностальгия по территориально интегрированным империям сильнее, дольше, глубже, чем по заморским. Для почти трех миллионов судетских немцев (в Австро-Венгрии — представителей господствующего народа) было непросто адаптироваться к положению национального меньшинства в новом чехословацком государстве. Риторика, связанная с их положением, — одна из ключевых тем гитлеровской пропаганды перед оккупацией Чехословакии.

Закат империи — постепенный, растянутый на годы процесс, когда и элиты, и общество осознают безнадежность и бессмысленность попыток сохранить ее — общество метрополии переживает легче, чем неожиданный крах.

Характерный пример — конец Германской империи. До начала осени 1918 года германские власти убеждали народ, что победа близка. Когда в октябре-ноябре крушение немецкой военной машины стало очевидным, а капитуляция — неизбежной, общество не было к этому готово.

Отсюда легкость формирования мифа о «Германии, которая никогда не была побеждена на поле боя», о «врагах, нанесших удар ножом в спину». Под последними — явно или неявно — подразумевались социалисты.

В крахе империи обвиняли еврейских революционеров и предателей, которым платила Москва, организовавшая забастовки в Германии в конце войны.

Именно они, по мнению авторов этой версии, вынудили кайзера отречься от престола. Эту фразеологию в середине 1920-х годов используют бывшие руководители немецкой армии, те, кто в сентябре-октябре 1918-го докладывал гражданским властям о том, что войну продолжать невозможно, мир необходимо заключать на любых условиях.

Многие немцы быстро забыли, как они ненавидели монархию в последний год войны, чувства, которые испытывали в октябре 1918 года, когда стало ясно, что кайзер и высшее командование обманывали народ. Они не знали, что именно генерал Э. Людендорф в октябре 1918-го потребовал от нового канцлера Германии принца Макса Баденского заключения перемирия, дабы предотвратить военную катастрофу на Западном фронте. Монархия Гогенцоллернов не развалилась бы так быстро в ноябре 1918 года, если бы немецкое общество не было убеждено, что старый режим обанкротился.

Подобное быстро исчезает из исторической памяти. Общество не хочет об этом вспоминать.

Кого интересует, что на деле произошло? Узловое поражение в войне общественное сознание нетрудно очаровать мифами. Гитлер говорил, что поражения августа 1918-го были игрошкой по сравнению с победами, которые одержала до этого немецкая армия, что не они стали причиной капитуляции. По его словам, причиной поражения была деятельность тех, кто на протяжении десятилетий работал над уничтожением политических и моральных установлений и сил немецкой нации.

Вспоминаются строки Пушкина: «Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад».

Исследователи истории Веймарской республики считают: то, что ее лидеры не были готовы предать гласности материалы об ответственности германского руководства за развязывание Первой мировой войны, — один из важнейших факторов, приведших республику к краху. Миф о невинной, непобежденной, преданой, униженной Германии был оружием, которое руководители республиканской власти дали в руки тем, кто в демократические ценности не верил.

Неожиданность, быстрота, с которой рушатся, казалось бы, непоколебимые империи, порождают ощущение нереальности происходящего. Нетрудно убедить общество, что государство, которое столь неожиданно развалилось, можно столь же быстро восстановить. Это иллюзия. Причем опасная. Платой за нее стали реки крови, пролитые в ходе Второй мировой войны.

Советский Союз был территориально интегрированной империей, одной из мировых сверхдержав. За несколько лет до его распада в возможность того, что произошло в 1988—1991 годах, почти никто не мог поверить. После краха СССР за границами России осталось более 20 млн. русских, оказавшихся национальным меньшинством в стране, которую раньше считали своей. Это усиливает постимперский синдром, ставший одной из тяжелых проблем современной России.

Это — болезнь. Россия проходит через ее опасную стадию. Нельзя поддаваться магии цифр, но то, что крушение Германской империи отделяло от прихода Гитлера к власти примерно 15 лет, — столько же, сколько отделяет крах СССР от России 2006—2007 годов, заставляет задуматься. Медицине известен феномен: если человеку ампутировать ногу, ощущение, что она болит, не проходит. То же относится к постимперскому сознанию. Утрата СССР — реальность. Реальность и социальная боль, порожденная проблемами разделенных семей, мытарствами соотечественников за рубежом, ностальгическими воспоминаниями о былом величии, привычной географии родной страны, уменьшившейся, потерявшей привычные очертания. Эксплуатировать эту боль в политике нетрудно. Произнеси несколько фраз, суть которых в том, что «нам нанесли удар ножом в спину», «во всем виноваты империалисты, которые раскупили наше богатство».

«теперь мы отберем у них собственность и заживем хорошо», — и дело сделано. Эти фразы не надо выдумывать самому, достаточно прочесть учебник, посвященный нацистской пропаганде. Успех обеспечен.

Это политическое ядерное оружие. Его редко применяют. Конец тех, кто его использует, как правило, трагичен. Такие лидеры приводят свои страны к катастрофе. К сожалению, в России в последние годы ящик Пандоры оказался открытым. Обращения к постимперской ностальгии, национализму, ксенофобии, привычному антиамериканизму и даже к не вполне привычному антиевропеизму вошли в моду, а там, глядишь, войдут и в норму. Важно понять, насколько это опасно для страны и мира.

Постимперская ностальгия — болезнь излечимая. Опыт Франции, которой утрата империи далась нелегко, показывает: потребовалось несколько лет динамичного экономического роста, чтобы опасная для страны истерика, чуть не взорвавшая демократический режим, превратилась в мягкую, романтическую ностальгию по утраченному величию. Но в эти годы за сохранение демократии надо было бороться. В истории бывают моменты, когда роль личности особенно велика. То, что сделал в начале 1960-х годов Шарль Де Голль для предотвращения прихода к власти радикальных националистов, переоценить трудно. В Германии 1920—1930-х годов развитие событий пошло по иному пути.

Жизнь сложилась так, что у меня есть некоторые преимущества по сравнению с другими исследователями крушения империй. Я был непосредственным участником связанных с ними событий, одним из авторов Беловежских соглашений, зафиксировавших факт краха последней империи XX века — Советского Союза. Значение Беловежских соглашений не надо преувеличивать. Они юридически оформили факт состоявшегося развода. Государства, которые не контролируют свои границы, денежную, налоговую и судебную системы, не могут подавлять этнонациональные конфликты (а именно в этом состоянии был Советский Союз после августовских событий 1991 года), не существуют.

Как показывает опыт Югославии, процесс развода может быть кровавым. Беловежские соглашения декабря 1991 года не сняли боль от распада территориально интегрированной империи, но помогли избежать большой крови и ядерной катастрофы. В результате этих договоренностей уже к маю 1992 года подавляющая часть наиболее опасного — в силу технологии принятия решений о его применении — тактического ядерного оружия, ранее находившегося на территориях других республик, была сосредоточена в России.

Повторю: то, как практически происходит распад империй, с какими проблемами приходится сталкиваться властям метрополии, знаю лучше многих. И все же не взялся бы за эту работу, если бы не видел, насколько политически опасна эксплуатация постимперского синдрома в современной российской политике, не знал об очевидных, бросающихся в глаза аналогиях между риторикой людей, использующих постимперскую ностальгию в нашей стране, и стандартами пропаганды национал-социалистов в последние годы существования Веймарской Германии.

Параллели между Россией и Веймарской республикой проводят часто. Сам принадлежу к числу тех, кто проводил эту аналогию в российских политических дискуссиях начала 1990-х годов. Но не все понимают, насколько они значимы. Мало кто помнит, что имперская государственная символика была восстановлена в Германии через 8 лет после краха империи — в 1926 году, в России — через 9 лет — в 2000-м. Не больше и тех, кто знает, что важнейшим экономическим лозунгом нацистов было обещание восстановить вклады, утраченные немецким средним классом во время гиперинфляции 1922—1923 годов. И сегодня те, кто обещает восстановить вклады, обесценившиеся во время финансовой катастрофы Советского Союза, дословно повторяют геббельсовскую риторику начала 1930-х годов. Естественно, придя к власти, вклады нацисты не восстановили. Они привели страну к войне и еще одной денежной катастрофе. В российских условиях время расцвета постимперского синдрома, замешанного на нем радикального национализма вопреки ожиданиям автора этих строк пришлось не на период, непосредственно последовавший за крушением СССР, а на более позднее время. Я и мои коллеги, начинавшие реформы в России, понимали, что переход к рынку, адаптация России к новому положению в мире, существованию новых независимых государств будут проходить непросто. Но мы полагали, что начало экономического роста, повышение реальных доходов населения позволят заменить несбыточные мечты о восстановлении империи прозаичными заботами о собственном благосостоянии. Мы ошибались.

Как показал опыт, во время глубокого экономического кризиса, когда неясно, хватит ли денег, чтобы прокормить семью до следующей зарплаты, выплатят ли ее вообще, не окажешься ли завтра без работы, большинству людей не до имперского величия. Напротив, в то время, когда благосостояние начинает расти, жизнь изменилась, но вновь обрела черты стабильности, можно, придя домой, сесть и посмотреть вместе с семьей советский фильм, в котором наши разведчики

порассуждать о том, как враги развалили великую державу, как мы всем еще покажем, кто главный.

Апелляция к имперским символам величия — сильный инструмент управления политическим процессом. Чем больше официальная российская пропаганда пытается представить Великую Отечественную войну как цепь событий, ведущих к предзаданной и организованной вождем Победой, тем быстрее уходит память о сталинских репрессиях, забывается, что в развертывании войны сам Сталин, санкционировавший пакт Молотова–Риббентропа, сыграл немалую роль. Позитивные оценки И. Сталина выросли с 1998 года к 2003-му с 19 до 53%. На вопрос: «Если бы Сталин был жив и избирался на пост Президента России, вы проголосовали бы за него или нет?» — 26—27% жителей России ответили: «Да, проголосовал бы». Речь идет о человеке, который погубил больше наших соотечественников, чем кто бы то ни было в многовековой и непростой истории России. Думаю, один этот факт достаточен, чтобы понять масштабы угроз, связанных с постимперским синдромом в нашей стране.

Пытаться вновь сделать Россию империей — значит поставить под вопрос ее существование. Риск движения в этом направлении высок.

В Советском Союзе кризис империи развертывался на фоне распада основ тоталитарного политического режима и падения цен на нефть, от которых в начале 1980-х годов зависело состояние бюджета, потребительского рынка, платежного баланса. Правда о причинах и механизмах крушения Советского Союза, на мой взгляд, не сказана. В последнее время доступ к архивным документам, позволяющим пролить свет на развертывание кризиса советской экономики, вновь становится ограниченным. Тем не менее материалы, которые были рассекречены в начале 1990-х годов, позволяют разобраться в том, что с нами на самом деле произошло. Легенда о процветающей, могучей державе, погубленной врагами-инородцами, — миф, опасный для будущего страны.

В российском общественном мнении сегодня доминирует следующая картина мира: 1) двадцать лет назад существовала стабильная, развивающаяся, мощная страна — Советский Союз; 2) странные люди (возможно, агенты иностранных разведок) затеяли в нем политические и экономические реформы; 3) результаты этих реформ оказались катастрофическими; 4) в 1999—2000 годах к власти пришли те, кто озабочен государственными интересами страны; 5) после этого жизнь начала налаживаться. Это миф столь же далекий от истины, как легенда о непобежденной, преданой Германии, популярной среди немецкого общества в конце 1920—1930-х годов. Задача новой книги — показать, что эта картина мира не соответствует действительности. Вера в ее истинность — опасна для страны и мира.

Величие и падение империй

Идея империи — мощного, авторитарного государства, объединяющего многочисленные народы, как и христианская церковь, — часть наследия, которое средневековой Европе досталось от античности.

Многие правители пытались присваивать себе титул императора. Но на протяжении веков, следовавших за крахом Римской империи, лишь Византия воспринималась другими европейскими государствами как наследница римской императорской традиции. Когда Карла Великого короновали в 800 году как императора Священной Римской империи, для него было серьезной проблемой, признают ли его византийские власти.

После взятия Константинополя турками вопрос о том, кто является обладателем имперских прав, снова становится актуальным. В этой связи претензии российских властей на роль Москвы как Третьего Рима, преемницы традиций римской и византийской империй, — в духе времени конца XV — начала XVI века. Однако Россия была слишком далека от центра развития, чтобы эти претензии в Европе воспринимались всерьез.

К концу XV века во многом эфемерная Священная Римская империя принимается европейскими дворами как единственное государство, имеющее законное право так именоваться. Однако сама идея империи живет и продолжает оказывать влияние на события в Европе.

Филипп II иногда называет себя императором Индии. В конце XVI века процветали идеи имперского предназначения Испании, ее священной миссии управлять Европой. Кастильская элита с конца XV века смотрит на Римскую империю как на модель для подражания, на себя — как на преемников римлян. Они — часть избранных, на которых возложена божественная миссия воссоздания мировой империи. Вне этого контекста трудно понять, зачем испанским королям нужно было тратить столько людских и финансовых ресурсов в войнах XVI—XVII веков, пытаясь распространить свое господство в мире.

К XV—XVI векам экономический и военный подъем Европы, ее военное превосходство над окружающими странами становится очевидным. Начинается экспансия Европы на милья

континенты. Важнейший стимул к этому — надежда пополнить запасы драгоценных металлов — ресурса, позволяющего финансировать войны.

Даже апологеты империи признают, что использование административного принуждения покоренных народов в эту эпоху — элемент политики, направленной на индустриальное развитие метрополии. В 1813 году текстильная и шелковая промышленность Индии могла бы с прибылью продавать на британском рынке свои продукты по ценам на 50–60% ниже, чем те же товары, произведенные в Англии. Но таможенные пошлины (70–80% цены) или прямой запрет импорта индийских товаров делали это невозможным. Будь Индия независимой, она в ответ на такие меры ввела бы запретительные пошлины на английские товары. Индия была родиной текстильной промышленности — она существовала там на протяжении 6 тысяч лет. В ней были заняты миллионы людей. За колонизацией последовала утрата работы сотнями тысяч людей, семьи которых занимались ткачеством на протяжении жизни поколений. Такие города, как Дакка и Муширабад — ранее центры текстильной промышленности, — пришли в запустение. С 1814 до 1835 года экспорт британского текстиля в Индию вырос с 1 до 51 млн. ярдов в год. За те же годы индийский экспорт текстиля в Англию сократился примерно в 4 раза. Начало современного экономического роста на рубеже XVIII—XIX веков увеличивает разрыв между Европой и остальным миром (за исключением европейских эмигрантских колоний США, Канады, Австралии и т. д.) в экономической, финансовой и военной мощи. Поражение России, одной из крупнейших и близких к Европе аграрных держав, в Крымской войне продемонстрировало это наглядно. В середине XIX века ведущие европейские страны, в первую очередь Британия, не имели себе равных в возможности применения военной силы на расстоянии в тысячи километров от собственных границ. Это основа формирования имперской политики. Британский премьер-министр, лидер Либеральной партии У. Гладстон, писал: «Имперское чувство является врожденным у каждого англичанина. Это часть нашего наследия, которое появляется на свет вместе с нами и умирает лишь после нашей смерти».

К 1914 году Англия контролировала территорию, на которой проживала примерно четверть населения мира. Ее империя, за которой стояла долговременная традиция, большинству современников казалась нерушимой. Но предпосылки краха, сложившегося к концу XIX века мирового порядка, уже были заложены. Масштабные изменения в соотношении экономической мощи стран делают его неизбежным.

Страны догоняющего развития по численности населения нередко превосходят государства, раньше них начавшие современный экономический рост; по мере продвижения по пути индустриализации способны мобилизовать финансовые и людские ресурсы, позволяющие сформировать мощные вооруженные силы. Экономический, финансовый и военный подъем Германии и Японии конца XIX — начала XX века — наглядный пример этому. В своей работе «Долгое время» автор обращал внимание на то, что Россию от стран — лидеров современного экономического роста наиболее развитых государств мира — на протяжении последних полутора веков отделяет дистанция примерно в полвека, два поколения. Обсуждая сегодняшние российские проблемы, полезно помнить, что эпоха заката мировых империй началась примерно полвека назад.

Все страны, которые называли себя империями в начале XX века, в разных формах — добровольно или вынужденно — избавлялись от колоний, предоставляя им свободу. Это трудно объяснить случайным стечением обстоятельств. Для России этот опыт важен. Если извлечь из него уроки, он поможет не повторить ошибок, приводящих к политическим поражениям.

Кризис и демонтаж заморских империй

На протяжении XX века мир стал иным. Господствующая идеология, в рамках которой «бремя белого человека» воспринималось как данность, уступила место картине мира, в которой представление о разделении народов на господ и рабов неприемлемо. В интеллектуальной атмосфере 1940—1960-х годов XX века объяснить, почему Британия должна управлять Индией, другими своими колониями, оказалось нереализуемой задачей.

С течением времени меняются представления о том, что метрополия может делать для сохранения своего господства. Жесткий мир начала XIX века не знает жалости к слабым. Реалии XX века диктуют новые правила поведения. Когда англичане в Малайе в начале 1950-х годов применяли жесткие меры борьбы с повстанцами — брали заложников, уничтожали посевы в непокорных деревнях, — эту практику осуждают в парламенте, называют преступлением против человечества. То, что дозволено в начале XIX века, общество середины XX не приемлет.

Из территориально интегрированных империй Первую мировую войну — в измененной форме — пережила лишь Российская. После Второй мировой войны начинается череда распада имеющих заморские территории Британской, Французской, Голландской, Бельгийской, Португальской

империй. На начало 1990-х годов приходится период краха последней территориально интегрированной империи — Советского Союза, а также Югославии — страны, не бывшей, в собственном смысле этого слова, империей, но столкнувшейся с проблемами, сходными с теми, которые порождают крах территориально интегрированных империй.

Кризис 1914—1945 годов радикально изменил мир. Миф о непобедимости европейцев, укорененный в общественном сознании конца XIX — начала XX века, но подорванный Русско-японской войной 1904—1905 годов, был окончательно уничтожен крахом европейских колониальных империй в Юго-Восточной Азии во время Второй мировой войны. Европейцы не могли больше надеяться на то, что покоренные народы сохранят убежденность в божественном праве завоевателей ими править.

С конца 1940 — начала 1950-х годов сами слова «империя» и «империализм» становятся немодными. В 1947 году премьер-министр Англии Клемент Ричард Эттли говорит: «Если в настоящее время и существует где-либо империализм, под которым я подразумеваю подчинение одних народов политическому и экономическому господству других, то такого империализма определенно нет в Британском Содружестве наций».

Мировой опыт свидетельствует: империя и политическая свобода, если речь идет о реальном демократическом избирательном праве для всех подданных, несовместимы. В начале 1950-х годов Франция отказывалась признать принцип равенства избирательных прав европейского и коренного населения в Алжире, территорию которого рассматривала как свой департамент.

Правило двух избирательных коллегий означало, что один голос европейца считался равным 8 голосам мусульман. В 1954—1958 годах позиция французских властей меняется. Они наконец осознают неизбежность предоставления всеобщего избирательного права, понимают, что без этого удержать Алжир невозможно. Однако тогда ничто меньше, чем полная независимость, лидеров освободительного движения уже не устраивает.

К этому времени в мире укоренилось убеждение в том, что несформированные на основе всеобщего избирательного права, равноправной конкуренции политических сил органы власти нелегитимны. И метрополии, пытающиеся сохранить свои колонии, и элиты колоний об этом осведомлены. Для сохранения империи остается одно средство — насилие, необходимое, чтобы принудить живущие в колониях народы принять устоявшийся режим как данность, с которой невозможно спорить. Но империи сталкиваются с проблемой, обозначенной одним из соратников Наполеона — Талейраном: «На штык можно опереться, а сесть нельзя».

С момента, когда политические элиты и метрополий, и колоний перестают верить в то, что сложившиеся установления — данность, судьба империй решена. Вопрос в том, в каких формах и в какие сроки они будут демонтированы.

После Второй мировой войны важным фактором демонтажа колониальной системы стало противостояние Советского Союза и его сателлитов, с одной стороны, и НАТО во главе с США — с другой. Советский Союз, сам будучи своеобразной империей, имел основания поддерживать финансовыми, политическими и военными способами национальные движения, направленные против традиционных империй европейских держав. США — лидер противостоящего Советскому Союзу военного альянса, нередко вели себя по отношению к странам Латинской Америки подобно тому, как европейские державы — к своим колониям, но никогда не провозглашали себя империей, не посылали своих представителей на постоянной основе управлять зависимыми государствами.

В послевоенном мире идет процесс, подобный тому, который можно многократно наблюдать в истории: быстрое распространение военной техники богатых государств среди соседей и потенциальных противников. Во второй половине XX века ключевую роль приобретает широкое овладение навыками ведения современной партизанской войны. От метрополии требуются огромные людские и финансовые ресурсы, чтобы противостоять этому вызову.

В XVI веке — при очевидном превосходстве Европы в военной технике — можно было послать несколько сотен конкистадоров, чтобы завоевать Америку. Во второй половине XX века отправка 400 тысяч французских военнослужащих в Алжир оказалась недостаточной, чтобы подавить сопротивление 20 тысяч повстанцев, опиравшихся на поддержку мирного населения.

Оборонные расходы Португалии, к 1971 году составлявшие 43% ассигнований бюджета, были непосильными для страны. В 1961—1974 годах 110 тысяч молодых португальцев эмигрировали, чтобы избежать призыва. Декрет 1967 года увеличил срок обязательной службы до 4 лет.

Неспособность военных учебных заведений выпускать достаточное количество командиров заставила португальские власти в массовом масштабе призывать в армию младших офицеров, получивших погоны после окончания военных кафедр гражданских университетов. Именно они стали ядром движения, подготовившего свержение авторитарного режима и прекращение колониальной войны.

Вьетнам никогда не был колонией США. Америка была втянута во вьетнамскую войну на фоне краха французской колониальной империи и «холодной войны». Ко времени начала активного

участия США во вьетнамской войне было ясно, что для эффективного обеспечения контроля над территорией в условиях противостояния с партизанами нужны силы, превосходящие их по численности примерно в 10 раз. Цена сохранения колоний оказалась слишком высокой. После Второй мировой войны неизбежность роспуска колониальных империй стала очевидной. Вопрос стоял лишь о том, какая из метрополий быстрее осознает это, сумеет сделать процесс деколонизации наиболее мягким и безболезненным.

Английская элита, в отличие от французской, не пережила капитуляции 1940 года. Страна, вышедшая из Второй мировой войны одной из держав-победительниц, была неплохо подготовлена к кризису, связанному с роспуском империи. В 1945 году Англия — одна из трех мировых держав с армией в 4,5 млн. человек, владевшая заморскими территориями, разбросанными по многим континентам. Над ними никогда не заходило солнце. К концу 1961 года от этой империи не осталось почти ничего. Тем не менее английское руководство, в отличие от российского, не рассматривает этот процесс как геополитическую катастрофу. Решение о независимости Индии было принято во время Второй мировой войны. Собственно, с этого времени история Британской империи завершилась. Дальнейшее развитие событий — затянувшийся постскрипtum. Однако еще в начале 1950-х годов эксплуатация ностальгии по империи была сильным политическим ходом, по меньшей мере среди сторонников консервативной партии, отождествлявших себя с имперским величием. Рассуждения о традициях прошлого, значении империи для Англии, о невозможности от нее отказаться, о «предательской политике» лейбористов, готовых встать на путь ее роспуска, — важная составляющая политической пропаганды консерваторов в это время. Идеологическая база этой политики — заявление Черчилля от 10 ноября 1942 года: «Мы намерены удержать то, что является нашей собственностью... Я стал премьер-министром его величества не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи». Схожие мысли он неоднократно высказывал и после возвращения в правительство в 1951 году.

Темы, связанные с необходимостью сохранения империи, вредности действий тех, кто готов пойти по пути ее демонтажа, апелляция к постимперской ностальгии, антиамериканизму — важнейшие в публичной политике Консервативной партии в начале — середине 1950-х годов.

Многие английские политики этого времени рассматривают Соединенные Штаты — а не Советский Союз — в качестве главного врага своей страны. В 1951 году объяснить большинству актива только что выигравшей выборы Консервативной партии, что дни империи сочтены, было невозможно.

С 1959 года правительство консерваторов, за несколько лет до этого клявшихся в верности имперскому идеалу, начинает форсированный демонтаж империи. Я. Маклеод, возглавлявший в то время Министерство по делам колоний, так характеризует сложившуюся ситуацию: «Говорят, что после того как я стал секретарем по делам колоний, началось целенаправленное ускорение движения к независимости. Я согласен с этим. Мне представляется, что проведение любой другой политики привело бы к ужасающему кровопролитию в Африке».

Распустив империю, Британия столкнулась с тяжелой, растянутой на десятилетия террористической войной в Северной Ирландии. Параллели с Россией, в 1991 году без крови отказавшейся от следующей по масштабам империи и при этом столкнувшейся с трудноразрешимой чеченской проблемой, очевидны. Безболезненно роспуск империй не давался никому.

Упорядоченный, планомерный демонтаж империй, соответствующий стратегическим планам правительства метрополии, — исключение, а не правило. Во Франции из-за тяжелого наследия, связанного с поражением 1940 года, процесс адаптации общества к новым реальностям шел медленнее, чем в Англии, ностальгия по империи была сильнее. Французская политическая элита была убеждена, что лишь империя позволит стране сохранить статус великой державы, влияние в мире. Число людей, погибших в борьбе за это, оказалось большим, чем в других европейских метрополиях. Результата — развала империи — это не изменило.

На фоне заката европейских империй развертывается кризис системы всеобщей воинской обязанности. Из всех империй Франция в конце 1940 — начале 1950-х годов предприняла наибольшие усилия, чтобы удержать колонии; потратила для этого больше денег и потеряла больше жизней. В Индокитае с 1945 по 1954 год погибли 92 тысячи солдат и офицеров экспедиционного корпуса, 140 тысяч были ранены, 30 тысяч взяты в плен. Война кончилась поражением. Тем не менее французское правительство не решилось отправить в Индокитай ни одного призывника из Франции. Это было политически невозможно. Французские семьи категорически не желали отдавать сыновей погибать в Индокитае.

После капитуляции французских сил при Дьенбьенфу, когда в плен сдались 10 тысяч солдат и офицеров, большинство французских военных руководителей предпочитало возлагать ответственность за поражение на гражданских политиков, которые были не готовы поддерживать усилия армии, начавши ей удар в спину. Метрополия оказалась неспособна сохранить свои

территории в Азии, и ничто не гарантировало возможность удержать их в Северной Африке. Один из исторических парадоксов в том, что премьер-министр Франции, завершивший войну в Индокитае, заключивший в 1954 году соглашение с Хо Ши Мином и начавший масштабное наращивание французских сил в Алжире, — один и тот же человек — Пьер Мендес-Франс. Во время парламентских дебатов 12 ноября 1954-го он сказал: «Пусть никто не ждет от нас какого бы то ни было компромисса, мы не идем на компромисс, когда вопрос стоит о защите внутреннего мира и целостности республики. Департаменты Алжира — часть республики, являются Францией на протяжении длительного времени. Между Алжиром и основной французской территорией никакой раздел невозможен. Никогда Франция, никогда любой парламент или любое правительство не откажутся от этого фундаментального принципа». Министр внутренних дел, впоследствии президент Франции Франсуа Миттеран, был столь же категоричен. Он сказал: «Алжир — это Франция».

Численность алжирских повстанцев была меньше, чем силы партизан во Вьетнаме. Алжир географически ближе к Франции. Там проживало более миллиона французских колонистов. Их лобби в метрополии было влиятельным. В стране были сосредоточены значительные ресурсы нефти и газа.

В мае 1955 года французское правительство предприняло шаг, на который не решились кабинеты министров, ответственные за ход войны в Индокитае. Оно призвало 8 тысяч резервистов и обнародовало планы продлить срок службы 100 тысяч призывников. В августе того же года были ограничены отсрочки от воинской службы по призыву. В 1955-м численность французских войск в Алжире увеличилась более чем вдвое — с 75 тысяч в январе до 180 тыс. в декабре. Осенью 1956 года треть французской армии была сосредоточена в Северной Африке. К концу 1956 года там служили 400 тысяч французских военных.

Большинство молодых людей, призванных в армию в соответствии с декретом от 22 августа 1952 года, были старше 23 лет, многие из них были женаты, имели детей, начали деловую карьеру. В 1914 году, когда во Франции в массовых масштабах призывали в армию людей среднего возраста, это прошло организованно, без общественного сопротивления. То, что родина в опасности, было понятно. В середине 1950-х годов война в Алжире воспринималась и миром, и французским обществом как колониальная, несправедливая. В сентябре 1955-го начались беспорядки среди призывников, направляемых в Алжир.

Со времени направления призывников в Алжир общественное мнение во Франции по отношению к войне меняется. Жители былого величия, не хотят посылать своих детей воевать ради демократической страны, даже испытывающие ностальгию по сохранению фантома империи. В 1960—1961 годах, по данным независимости Алжира.

Во второй половине XX века империи социологических опросов, 2/3 французов выступали за выход из моды. Идти умирать или посылать своих детей на войну, чтобы сохранить атрибутику былого величия, современное общество не считает нужным.

Решение о роспуске империи, поддерживаемое более 2/3 избирателей, даже во Франции с ее устоявшимися демократическими традициями далось нелегко. Меньшинство, активную роль в котором играли французские переселенцы из колоний, профессиональные солдаты, участвовавшие в войнах и считавшие, что их предали гражданские власти, создало в 1958—1962 годах серьезную угрозу стабильности французских демократических институтов. Когда в 1958-м радикальные националисты установили контроль над Корсикой, на вопрос о том, не собираются ли власти Франции восстановить порядок, используя силу, один из представителей французского Министерства обороны спросил: «Какую силу?» Он недвусмысленно заявил, что никаких вооруженных сил для пресечения мятежа у гражданских властей нет.

На том, что Франция, пережив крах империи, сохранила в бывшей метрополии демократические институты, сказалось действие ряда факторов: высокий уровень развития, при котором власть не может игнорировать волю большей части населения, планы европейской интеграции, в реализации которых Франция принимала активное участие; авторитет и воля генерала Де Голля, оказавшегося человеком, способным распустить империю и сохранить контроль над силовыми структурами.

Во Франции, как и в сегодняшней России, пик постимперского синдрома пришелся на годы, когда благосостояние росло. Однако ее опыт показывает, что со временем эта болезнь излечима.